

О ПРИСЯГЕ ГРАЖДАН ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО И ЗАГАДОЧНОМ СЛОВЕ ΣΑΣΤΗΡ

Со времени находки в Херсонесе Таврическом первого фрагмента высокой беломраморной стелы с текстом Присяги его граждан прошло 120 лет¹. Тем не менее этот уникальный документ до сих пор остается важнейшим эпиграфическим источником для всестороннего исследования не только политического, экономического и культурного развития этого полиса, но и значения религиозных культов разных эллинских богов и обожествленных героев для сплоченности гражданской общины в период кризиса демократического строя в конце IV – первой трети III в. до н.э. (рис. 1). Время принятия и опубликования Присяги отмечено значительными сдвигами во всех сферах жизни уже окончательно сложившегося Херсонесского древнегреческого государства в Юго-Западном Крыму [см. с литературой: Сапрыкин, 1986, с. 139 сл.; Виноградов, Щеглов, 1990, с. 334 сл.; Зубарь, 2005, с. 154 сл.]. В настоящей статье будут кратко представлены преимущественно основные взгляды ученых на некоторые дискуссионные и все еще окончательно не решенные вопросы, касающиеся Присяги граждан Херсонеса, в особенности отмеченного в ней единственного в своем роде загадочного слова или термина ΣΑΣΤΗΡ².

Текст Присяги написан таким образом, что каждый гражданин от себя лично клянется «Зевсом, Геей, Гелиосом, Партенос, богами и богинями олимпийскими, героями, владеющими городом, территорией и укрепленными пунктами херсонеситов», что будет заботиться о спасении, свободе и целостности своего государства, ничего не предавать ни эллину, ни варвару; не заниматься ниспровержением демократического строя и пресекать такие попытки; верно служить народу и советовать ему наилучшее и наиболее справедливое для государства и граждан; охранять для народа ΣΑΣΤΗΡ и никому не разглашать ничего из сокровенного, что может принести вред государству;

¹ Фрагментированная беломраморная плита с текстом Присяги найдена при раскопках центральной площади в Херсонесе на полу базилики византийской эпохи к западу от современного собора св. Владимира в разные годы: нижняя часть в 1890, верхняя - 1891, а небольшой обломок от нее - только в 1899 г. [Латышев, 1909, с. 142; IOSPE, II², 401].

² Тема этой статьи избрана не случайно: В.М. Зубарем и А.С. Русяевой планировалось написать научно-популярную книгу о демократии Херсонеса Таврического и Присяге его граждан с новыми фотографиями стелы и прорисовками отдельных параграфов.

не злоумышлять и не быть участником в заговорах, направленных как в общем против херсонесской общины, так и кого-либо отдельно из граждан; хлеб с равнины вывозить только в Херсонес. В завершение традиционно вторично произносятся имена божеств, просьба о ниспослании благ произносящему клятву гражданину и его потомству, но заклятие после ее нарушения: «и пусть ни земля, ни море не приносят мне плода, пусть женщины не разрешаются от бремени благополучно...» [см. и ср. перевод: Латышев, 1892, с. 2-3; Он же, 1909, с. 144-145; Жебелев, 1953, с. 217-218].

На протяжении более столетнего периода, в соответствии с определенной проблематикой или относительно синхронными с Присягой находками новых надписей, к ней обращались многие ученые. Однако сравнительно редко ее текст исследовался специально в полном объеме с анализом всех ее пассажей. Выяснение значения Присяги, авторские комментарии и интерпретации содержащихся в ней терминов и отдельных сведений из многосторонней жизни херсонеситов увеличивались, конечно, со временем и нарастающим количеством археологических открытий, а также накоплением материалов, получаемых в ходе интенсивных раскопок на территории Херсонеса и его хоры, что, как хорошо известно, значительно продвинулось только в последние десятилетия прошлого и в начале текущего века – то есть намного позже ее находки и первых публикаций [Латышев, 1892, с. 1-13; Он же, 1896, с. 74-76; Он же, 1909, с. 142-160; IOSPE, I², 401].

Согласно С.А. Жебелеву, именно В.В. Латышев впервые «установил чтение документа, дополнил пострадавшие на камне его части, и эти дополнения не встретили ни с чьей стороны каких-либо возражений, да и не могли встретить: они бесспорны» [Жебелев, 1953, с. 218]³. Вместе с тем, наряду с несомненными заслугами первоиздателя в отношении разработки Присяги, Жебелев отметил, что им не выяснено значение этого документа для изучения истории и экономики Херсонеса, взаимоотношений херсонеситов с туземным населением, недостаточно рассмотрены некоторые пункты, заслуживающие более тщательной интерпретации [Жебелев, 1953, с. 219]. В итоге в специальной статье ученый представил расширенный анализ пронумерованных им по параграфам отдельных клаузул Присяги [Жебелев, 1953, с. 217-247], положив начало дальнейшему и по сути еще не окончательному решению самых спорных вопросов исторического и экономического развития Херсонесского полиса не только в течение короткого промежутка времени, соответствующего датировке надписи, но и в более широких хронологических рамках.

В дальнейшем Ю.Г. Виноградов и А.Н. Щеглов, отдавая должное подробному объемистому исследованию Жебелева, в частности детальному и

³ Опубликованная значительно раньше статья С.А. Жебелева (1935, с. 913-939) была переиздана в сборнике его работ «Северное Причерноморье» (1953, с. 217-247), на который здесь даются все последующие сноски на данную статью.

убедительному анализу тех параграфов документа, после которого «ни у кого впоследствии не осталось сомнения в экстраординарном характере Присяги, составленной ad hoc после попытки ниспровергнуть демократический строй», на основании полученных за прошедшее время археологических и эпиграфических источников тоже внесли целый ряд поправок и собственных суждений о политико-административных и пространственных терминах, о динамике пространственного развития Херсонесского государства, политических изгнанных и местах их укреплений, о хронологическом соотношении Закона об амнистии и Присяги, о хлебном экспорте и т.д. [Виноградов, Щеглов, 1990, с. 334-370; Vinogradov, 1997, S. 443-461]. Исследование Присяги в сопоставлении с ранее известными и новыми херсонесскими надписями в ракурсе сходных политических событий в разных античных городах дало возможность обосновать концепцию об образовании Херсонесского территориального государства, в котором «Строго дисциплинированный, полувоенный уклад херсонесской общины со всей очевидностью проявился даже в организации внутригородского и внешнего пространства обитания» [Виноградов, Щеглов, 1990, с. 370].

В общем же расхождении в интерпретации отдельных параграфов Присяги, – в особенности касающихся вопросов синхронности либо асинхронности их составления во взаимосвязи с историческими событиями и социально-политической обстановкой как в Херсонесе, так и в Западной Таврике, соответствующими изменениями в разных регионах сельской округи Херсонеса, а также в Керкинитиде и Калос Лимене⁴, характером государственного строя, в частности выяснения конкретного значения термина демиург⁵, и государственного переворота в полисе, отношениях с варварами, – в той или иной мере нашли проявление во многих работах [см. и ср.: Жебелев, 1953, с. 219-234; Тюменев, 1950, с. 48-56; Он же, 1955, с. 37-47; Щеглов, 1978, с. 9, 127; Сапрыкин, 1982, с. 40-63; Он же, 1986, с. 139-160; Пальцева, 1984, с. 110-114; Виноградов, Щеглов, 1990, с. 335-354 = Vinogradov, 1997, S. 443-461; Доманский, Фролов, 1998, с. 59-63; Яйленко, 2001, с. 176-182; Зубарь, 2005, с. 153-154, 297-298]. Другие авторы, которым приходилось касаться отдельных сведений из текста Присяги, опирались преимущественно на эти работы, поддерживая

⁴ Так, например, Жебелев, по собственной нумерации параграфов текста Присяги и ее сравнения с Дрерской и Итанской, относил вступительный и заключительный (1, 12), а также 3, 5, 7 параграфы, восходящими «к присяге более древней, может быть, даже изначальной» [1953, с. 222; ср. Сапрыкин, 1982, с. 50-51, 63; Он же, 1986, с. 144 сл., 156 сл.]. Однако Виноградов и Щеглов были твердо убеждены в том, «что она с начала и до конца составлена на одном дыхании ad hoc, и одновременных хронологических пластов не содержит» (1990, с. 337-338).

⁵ До настоящего времени также не имеется однозначного объяснения этого обозначения должностного лица, которое в разных смысловых значениях содержится в Присяге и херсонесских надписях римского периода (см., например, с литературой и ср.: Латышев, 1909, с. 158; Жебелев, 1953, с. 223-225, прим. 4; Гайдукевич, 1955, с. 83; Доманский, Фролов, 1998, с. 61; Зубарь, 2005, с. 297-298); для сравнения разные объяснения этого понятия, засвидетельствованного в литературе и надписях многих античных городов [см.: Murakawa, 1957; Андреев, 1979].

ту или иную точку зрения, или же внося собственные коррективы и уточнения в связи с открытием новых памятников либо собственным их пониманием. В общем же всеми так или иначе осознается значимость ее содержания, зачастую без чрезмерной абсолютизации, а во взаимосвязи с археологическими, эпиграфическими и нумизматическими источниками, позволяющими шире раскрыть важные проблемы и частные вопросы исторического и экономического развития Херсонесского полиса в период раннего эллинизма.

Заодно обращает особое внимание тот факт, что этот единственный в своем роде исторический источник до сих пор не имеет всеми признанной датировки. Хотя Жебелев указывал, что «Латышев на основании орфографии надписи и характера ее письма определил ее время: конец IV – начало III в. до н. э., и эта дата завоевала себе прочное место» (1953, с. 218-219), на самом деле оказывается все не так просто и однозначно. Первоиздатель все-таки колебался относительно того, когда конкретно она была составлена и вырезана на плите. Сначала он относил ее к III в. до н. э. [Латышев, 1892, с. 6], затем – приблизительно к первой половине этого века «или даже к концу IV (хотя последнее, сознаемся, несколько рискованно)» [Латышев, 1909, с. 146-147]; еще позже – к первым десятилетиям III в. до н. э. (IOSPE, I², 401). Тем не менее, указанная Жебелевым дата (то конец IV – начало III в. до н. э., то время ее опубликования в начале III в.) [Жебелев, 1953, с. 219-220] более-менее соотносится с датой (на рубеже IV-III вв., не позднее самого начала III в. до н. э.), предложенной для Присяги Виноградовым и Щегловым на основании анализа новых эпиграфических документов и археологических памятников на хоре [Виноградов, Щеглов, 1990, с. 334-335, 343]. Такая датировка, – не ограниченная конкретными годами, что позволяет каждому автору, исходя из собственных представлений, их суживать либо несколько расширять, – не вызывает особых возражений у большинства ученых, привлекавших те или иные сведения из Присяги в своих работах [ср.: Гайдукевич, 1955, с. 77; Анохин, 1977, с. 48; Соломоник, 1988, с. 12; Кутайсов, 1990, с. 158; Он же, 2004, с. 118; Доманский, Фролов, 1998, с. 60; Зубарь, 2004, с. 45; Он же, 2005, с. 154; Уженцев, 2006, с. 114]. И все же нельзя утверждать, что именно эти датировки приводятся абсолютно всеми авторами. Так, периодически указываются как сравнительно более узкие – лишь начало III в. до н. э., первые десятилетия, первая четверть либо треть этого же века [ср.: Щеглов, 1976, с. 4; Он же, 1978, с. 127; Сапрыкин, 1982, с. 43-63; Соломоник, 1984, с. 72; Она же, 1986, с. 288; Она же, 1990, с. 9; Яйленко, 2001, с. 182], так и более расширенные, например, конец IV – первая четверть III в. [Бондаренко, 2003, с. 39; Он же, 2007, с. 95], вообще III в. [Кухтина, 1979, с. 66; Бабинов, 1997, с. 11], III или даже IV в. («dem 3. oder sogar 4. Jhd. v. Chr.» [Gavrilov, 1998, S. 60]. Кроме того, на основании разных источников и разных методических принципов были предложены и абсолютные датировки надписи, например: после поражения тирании в Гераклея Понтийской – т. е. в 281-280 гг. до н. э. [Леви, 1947, с. 99], а также 275 г. до н. э.

[Saprykin, 1994, p. 73, 76; 1997, p. 193]. Таким образом можно констатировать, что к настоящему времени не имеется общепризнанной всеми исследователями одной и той же даты Присяги, что, несомненно, и в дальнейшем будет способствовать неоднократному обращению к этому вопросу. Разноречивые версии на этот счет не позволяют сейчас сделать уверенного заключения о том, что в научной литературе когда-либо в будущем будет так точно установлена достоверная абсолютная дата. Скорее всего, снова появятся какие-то уточнения и гипотезы, в особенности после новых находок хронологически близких лапидарных надписей или коренного пересмотра вопросов о попытке антидемократического переворота, который, по данным Присяги, вслед за Жебелевым (1953, с. 223-226), признают почти все ученые [ср., например: Соломоник, 1984, с. 72-78; Она же, 1988, с. 14; Она же, 1990, с. 11; Пальцева, 1984, с. 110-114; Сапрыкин, 1986, с. 139; Виноградов, Щеглов, 1990, с. 334-347; Доманский, Фролов, 1998, с. 62-63; Кутайсов, 2004, с. 117-119; Зубарь, 2005, с. 154-156], что, впрочем, не препятствует высказывать и совсем иные взгляды⁶.

Вместе с этим нельзя не отметить, что многие авторы, так или иначе используя в своих работах имеющиеся в Присяге сведения, дают ей разные названия. Из таковых можно выделить следующие: «общегражданская присяга», «Присяга граждан Херсонеса», «гражданская присяга херсонесцев», «гражданская присяга Херсонеса», «присяга херсонесских граждан», «присяга херсонеситов», «Херсонесская присяга», «херсонесская гражданская присяга», «присяга Херсонеса Таврического» и т. д. К наиболее часто употребляемым в современной литературе относится определение «Присяга граждан Херсонеса». Действительно, именно в таковом заключены главное значение и смысловое содержание: ведь Присягу приносили все граждане полиса, стремившиеся сохранить единство гражданской общины, личную свободу и религию, демократический строй и территориальную целостность своего государства⁷.

⁶ Так, В.М. Зубарь обратил внимание на то, что «В.П. Яйленко, ссылаясь на мнение С.А. Жебелева, отмечает, что в тексте херсонесской присяги нет точных указаний на характер внутривластной борьбы, отраженной в этом эпиграфическом памятнике [Яйленко, 2001, с. 176]. Действительно это так, но нельзя впадать в другую крайность и объяснять приведенные в присяге данные исключительно внешнеполитическими факторами. В тексте присяги есть достаточно указаний на то, что борьба была направлена на сохранение демократического строя в Херсонесе, а косвенные данные свидетельствуют о попытке его свержения незадолго до принятия присяги, что не позволяет согласиться с мнением В.П. Яйленко. Сам С.А. Жебелев также не отрицал попытки антидемократического переворота, хотя и не уточнил его характер [Жебелев, 1953, с. 225]» [Зубарь, 2005, с. 154-155, прим. 32].

⁷ Латышев первоначально определил ее общегражданской присягой (1892, с. 5), однако позже (1909, с. 147-149) считал, что это была обычная ежегодная присяга, которую приносили молодые граждане – то есть достигшие совершеннолетия юноши (эфебы) при вступлении их в число граждан по аналогии с клятвой эфевов в Афинах, известной из литературных источников [Lucurg. Contra Leocr., 75-77; Pollux. VIII, 105-106]. Его точка зрения не получила поддержки, поскольку «между ними нет ничего общего», она «составлена ad hoc, и приносили ее не эфебы, а все херсонесские граждане» [Жебелев, 1953, с. 221-222; ср. Виноградов, Щеглов, 1990, с. 337-338].

Любопытно также проследить, как ученые наделяли Присягу разными своего рода хвалебными эпитетами, представляющими общую оценку всего документа. По широте подлинного смысла и обоснованию они, естественно, не равнозначны, что, видимо, зависело от того или иного понимания его значения как исторического источника. Так, Латышев отводил ей «первое место между надписями, найденными в 1889-1992 гг. и второе между всеми до сих пор известными эпиграфическими памятниками Херсонеса по своей важности», отметив громадное значение документа (1909, с. 142, 146). В свою очередь Жебелев в самом начале статьи констатировал, что в Северном Причерноморье сохранились три замечательных эпиграфических памятника: ольвийский декрет в честь Протогена, херсонесский декрет в честь Диофанта и гражданская присяга Херсонеса. Исходя из этого ясно, что она поставлена на последнее место. Судя по следующим словам ученого, можно предполагать, что такое отношение к ее оценке могло быть продиктовано и тем, что, по сравнению с первыми двумя, достаточно полно изученными, Присягой «заялся, строго говоря, один В.В. Латышев» [Жебелев, 1953, с. 218]. Признав таким образом, что она относится к одному из трех замечательных эпиграфических памятников, Жебелев в своей работе чаще всего использовал определение «херсонесская присяга» в соответствии с названием своей статьи либо просто «присяга», что, естественно, не значит, что он не понимал ее значения.

Тем не менее, в краткой характеристике эпиграфических источников для изучения истории античных городов Северного Причерноморья он лишь частично изменил свое мнение. К документам государственного значения им отнесены «такие уники, как ольвийский декрет IV в. до н. э., регулирующий денежное обращение в Ольвии, декрет второй половины III в. до н. э. в честь ольвийского гражданина Протогена, содержащий очень ценные данные для характеристики положения Ольвии в указанное время, херсонесская гражданская присяга конца IV – начала III в. до н. э., документ начала II в. до н. э. о договоре Херсонеса с понтийским царем Фарнаком, херсонесский декрет последнего десятилетия II в. до н. э. в честь Диофанта, полководца Митридата Евпатора» [Жебелев, 1955, с. 10]⁸. Как видно, Присяга вторично заняла третье место, но уже после двух ольвийских декретов и впереди последующих хронологически более поздних херсонесских. Как бы то ни было, все надписи Жебелевым определены как уники, хотя Присяга граждан Херсонеса снова поставлена все-таки в ряду других эпиграфических памятников.

Для сравнения с такой характеристикой можно привести определения Присяги другими авторами. Так, тоже в кратком описании эпиграфических памятников Северного Причерноморья в античную эпоху Э.И. Соломоник

⁸ Эта работа Жебелева была написана незадолго до начала Великой Отечественной войны, в первый год которой он погиб в дни блокады Ленинграда, и издана по прошествии многих лет в сборнике, посвященном истории и культуре античных городов Северного Причерноморья, инициатором создания которого он был.

резонно выдвинула ее как единственный государственно-правовой документ начала III в. до н. э. [Соломоник, 1986, с. 288]. Она же считала Присягу, занявшую первое место в каменной летописи Херсонеса, наряду с декретом в честь Диофанта, выдающимися эпиграфическими памятниками [Соломоник, 1988, с. 14; Она же, 1990, с. 9-11]. Значительная роль Присяги граждан Херсонеса для раскрытия малоизвестных страниц его истории обусловила и ряд других обобщающих определений: «знаменитая присяга» [Каллистов, 1940, с. 172; Тюменев, 1955, с. 46-47; Сапрыкин, 2005, с. 48]; «подлинный документ огромной государственной важности – торжественная присяга граждан Херсонеса Таврического» [Щеглов, 1976, с. 4]; «известная херсонесская присяга» (Анохин, 1977, с. 48); «жемчужина причерноморской эпиграфики – Присяга херсонеситов» [Виноградов, Щеглов, 1990, с. 334; Vinogradov, 1997, S. 443]; «один из наиболее интересных памятников эпиграфики – Херсонесская присяга» [Зубар, 1998, с. 289]; «уникальный документ античного времени – присяга граждан Херсонеса Таврического» [Бабинов, 1997, с. 10; Бондаренко, 2003, с. 39; Он же, 2007, с. 95]; поистине бесценный документ [Доманский, Фролов, 1998, с. 59]. Вряд ли приведенные здесь в их многообразии определения Присяги преувеличены. В той или иной степени они указывают на действительно бесценный, единственный в своем роде уникальный эпиграфический документ, отражающий собственно политическую, экономическую и религиозную жизнь только херсонесской гражданской общины, которая не находит прямого сходства с другими эллинскими полисами, несмотря на попытки сравнить и сблизить присяги эфебов или граждан разных древнегреческих городов [см., например: Латышев, 1909, с. 149 сл.; Жебелев, 1953, с. 221-223].

Учитывая все содержание текста Присяги, причины и время ее принятия, нельзя не указать, что в ней заключен глобальный и, возможно, первый неожиданный кризис не только в Херсонесском государстве, но и в самой гражданской общине – основе полиса. Кризис возник, как почти всеми признано, в связи со стремлением кучки приверженцев олигархического режима упразднить демократию и, соответственно, расколоть единство гражданского коллектива Херсонеса. Отправные точки рассуждений и заключений исследователей, касавшихся вопросов граждан и гражданской общины Херсонеса в Присяге, не одни и те же⁹. Они находились в зависимости от того, на каких

⁹ Это не значит, что вопросам гражданской общины Херсонеса вообще не уделялось внимания. Немалую роль в аргументации количества владевших участками земли свободных граждан, в частности, середины – второй половины IV в. до н. э., с одной стороны, играют расчеты на основе анализа системы размежевки на Гераклеяском полуострове, в результате чего их было примерно 2 000 человек, а с учетом членов их семей – не более 11 000 [см. с литературой: Зубарь, 1993, с. 17-18; Он же, 2005, с. 129-150], с другой же, количество домов в городе на основании реконструкции градостроительного плана в сопоставлении с числом мест в театре, что в общем не превышало 1 000 человек, на которых был первоначально рассчитан Херсонес, хотя через поколение эта цифра могла удвоиться [Буйских, Золотарев, 2001, с. 130; Буйских, 2009, с. 13-14,

собственно данных акцентировалось их внимание. С самого начала, как отметил еще Жебелев, Херсонес был полисом, имел своих политов, образовывал то, что в Присяге (параграф 9) обозначено термином койнон – гражданскую общину [Жебелев, 1953, с. 219].

В другом аспекте два термина Присяги (полис и хора) кратко рассмотрены Щегловым: полис в узком значении – это «город, городское поселение», т.е. ремесленный, торговый, культурный, а также политический или административный центр определенной территории», в более широком смысле – полис был равнозначен нашему понятию «государство»; «хора» – земледельческая территория полиса, служившая основной экономической базой города [Щеглов, 1976, с. 6]. При этом в связи с Присягой не было обращено внимания на главную внутреннюю сущность полиса, а именно – гражданскую общину, о которой все же дальше шла речь, но уже вне контекста этого документа (Там же, с. 15).

Согласно Виноградову и Щеглову, клятву приносили *гетерогенные* по своим бывшим политическим убеждениям граждане с целью добиться единодушия и согласия всех граждан, представлявших собой коллектив единомышленников-демократов (1990, с. 345-346). Из текста Присяги ясно, что Херсонес был определенным социополитическим единством, гражданской общиной, полисом, демократической республикой, на что указывают такие понятия как «свобода», «народ (демос) херсонеситов», прямое определение «демократия», соответствующие установления и институты, в частности народное собрание, общинная религия и культы [Доманский, Фролов, 1998, с. 61]. Присяга удостоверяет, что народное собрание состояло из всех полноправных, владевших землей членов гражданской общины – полиса; только они имели право избирать и быть избранными в полисные органы власти [Зубарь, 2005, с. 294]. Характер и сущность гражданской общины Херсонеса, по данным Присяги, хотя и в тезисной форме раскрыт Ю.А. Бабиновым. Основные его положения заключаются в следующем: публичная клятва – акт сопричастности отдельной личности общей идее, единым принципам и нормам, что служило эффективным средством для укрепления демократии; она демонстрирует развитые формы гражданской ответственности, характерные для полисной демократии; свои гражданские обязанности херсонеситы, вне всякого сомнения, считали одной из важнейших добродетелей свободного и воспитанного эллина, отличающего его от варвара или раба; присяга – свидетельство сохранения возвышенного идеала религии; в ней зафиксирована тождественность гражданской и религиозной общин, принципиально отвергается идея их раздельного существования, а

24, 29; ср. Зубарь, 2005, с. 142-143]. Выказаны также предположения, что херсонесская гражданская община делилась на три дорийские филы и на гекатостии (сотни) – военно-политические подразделения общины [см. с литературой: Сапрыкин, 1986, с. 61; Виноградов, Щеглов, 1990, с. 317; Виноградов, 1993, с. 61-66; Зубарь, 2005, с. 294-295].

следовательно подтверждается автономность религиозного сообщества [Бабинов, 1997, с. 10-11].

В контексте с понятием гражданской общины можно добавить, что, начиная с древнегреческих историков, полис в представлении эллина – это прежде всего «люди, а не стены» (Thuc. VII, 77, 7). В каждом древнегреческом полисе религия занимала весьма значительное место во многих сферах жизни его жителей, несмотря на ее разные проявления, изменения и региональные особенности [см. с литературой: Nilsson, 1978; Polignac, 1984; Idem, 1995; Sourvinou-Inwood, 1991; Simon, 1998; Суриков, 2002; Русяева, 1992; Она же, 2005; Зубарь, 2005]. Вообще, исходя из всех наблюдений, полис представляет собой городскую гражданскую общину, конституирующую себя не только в качестве политической организации – государства, но вместе с тем и в качестве религиозной организации [Суриков, 2005, с. 57]. Вне гражданской общины, многочисленных культов богов-покровителей и защитников немыслим никакой полис. Судя по отдельным параграфам Присяги, в Херсонесе, в его внутренней и внешней политике при демократической форме правления главное место занимали граждане – единомышленники, для которых характерна очень тесная связь с полисной религией. В эмоциональном тексте Присяги прослеживается доказательство личной свободы каждого гражданина и его роли в общем коллективе граждан; в ее начале и конце торжественно произносятся имена эллинских богов и богинь, повторяются термины «государство», «демос», «гражданин», адекватный значению полиса демотикон «херсонеситы», что в общем не оставляет сомнений в том, что здесь они представляли собой единую гражданскую общину эллинов, преисполненных стремлением сохранить в целостности и сохранности созданное ими государство, город Херсонес, демократию и верность отеческим божествам в их многообразии.

«Если херсонесская присяга, – говоря словами Жебелева, – по многим вопросам лишь дразнит пытливость исследователя и, не давая конкретных указаний, заставляет его довольствоваться высказыванием тех или иных предположений, то в тексте присяги имеется одно слово, которое остается неразгаданным до сих пор» [Жебелев, 1953, с. 234-235]. Оно упомянуто лишь один раз в параграфе 6: «Я буду охранять для народа «састер» и не буду разглашать ничего из сокровенного ни эллину, ни варвару, что должно принести вред государству» [Жебелев, 1953, с. 217]. Что именно скрывается под этим «састер», который обязан охранять для своей общины каждый херсонесский гражданин и в связи с чем он не должен разглашать какие-то тайны (нечто сокровенное) никому из посторонних, – будь то эллин или варвар, – остается до настоящего времени окончательно не выясненным: такое слово не зафиксировано ни в древнегреческом, ни в другом каком-либо из языков. Это, естественно, дает повод с самых разных методических позиций подходить к его объяснению. Однако, пока ни одну из множества предложенных разными авторами интерпретаций и гипотез нельзя считать общепринятой. Подробное

их изложение, а тем более критическое осмысление, в лимитированной статье не представляется возможным. Поэтому здесь будут представлены основные объяснения, в особенности тех авторов, кто специально пытался его истолковать.

Первыми, конечно, Латышев и Жебелев отметили и сопоставили опубликованные в России и за рубежом разнообразные суждения о значении термина ΣΑΣΤΗΡ, критически отнеслись к каждой из предложенных интерпретаций, считая их, разумеется, не соответствующими содержанию данного документа и политике Херсонеса [ср. Жебелев, 1953, с. 235-247]. В первом издании Присяги Латышев только указал на то, что значение нового слова не поддается определению (1892, с. 13). Однако после критических замечаний относительно его толкования другими учеными, он пришел к выводу, что в нем необходимо усматривать «государственное установление или совокупность законов» (*reipublicae status vel legum summa*), а не предполагаемые другими учеными наименования каких-то магистратов [Латышев, 1909, с. 163-167; IOSPE, II, 401]. Жебелев, признав его полное право критического отношения к ранее высказанным гипотезам, тем не менее, опираясь на указание Ф.Ф. Соколова, посчитал предложенное Латышевым объяснение тоже не отвечающим заключенному в нем значению [Жебелев, 1953, с. 235]. Одновременно он подверг критике появившиеся за это время иные предположения ученых, в частности Г. фон Гертрингена, идентифицировавшего это слово с эпиклезой Сотер – Спаситель города (*SIG*³, 107), что раньше подразумевал и М.Бреаль, а также М.Эберта, считавшего более оправданным видеть в нем херсонесского стратега [Ebert, 1921, S. 263]. Поскольку в древнегреческом языке термин ΣΑΣΤΗΡ вообще отсутствует, считалось даже, что резчик надписи допустил ошибку: так, почти синхронно Н.И. Новосадский предлагал читать вместо ΣΑΣΤΗΡΑ – ΜΑΣΤΗΡΑ, которое могло обозначать какое-то должностное лицо; а И.Цингерле – ΣΤΑΤΗΡΑ, то есть золотую монетную единицу, которую обязан был оберегать каждый гражданин [ср.: Новосадский, 1926, с. 78-83; Zingerle, 1927, S. 67; см. также дополнительные данные: Жебелев, 1953, с. 235-236; Gavrilov, 1998, S. 61, Anm. 2, 3].

В итоге Жебелев выдвинул собственную идею, которая кратко сводится к тому, что такой термин мог служить только для обозначения неодушевленного предмета, и поскольку на основе греческого языка его объяснить нельзя, то следует исходить из контекста всего параграфа 6 Присяги. Из него ясно, что ΣΑΣΤΗΡ связан с обозначением того, что нельзя разглашать ни эллину, ни варвару, поэтому истоки этого загадочного термина восходят к таврам и их божеству. Подробное и целенаправленное рассмотрение разных источников и сопоставлений привело Жебелева к уверенности, что «вместе с культом таврского божества херсонессцами был принят и его кумир, тот ксоанон, о котором сохранил известие Страбон»; он был настолько необычен, что они «стали называть его так, как называли его тавры, придав этому названию лишь огреченный вид путем прибавления к таврской

основе ΣΑΣ– очень распространенный греческий суффикс –ТНР» [Жебелев, 1953, с. 244]. В соответствии с таким пониманием, «херсонесский гражданин клятвенно обязывался оберегать кумир таврского божества, его «састер», ставший для Херсонеса палладиумом», тем более, что в культуре Девы играли важную роль ее явления, подаваемые в них знамения, относящиеся к *secreta sacrorum*; культ Девы был общим и для греков, и для тавров, вследствие чего упоминание о «варварах» в присяге находит свое полное оправдание и имеет полное реальное обоснование (Жебелев, 1953, с. 245-246). Тем не менее, в окончательном заключении эти суждения все же не звучали столь уверенно. Следует отдать должное признанию Жебелева, что при попытке толкования ΣΑΣΤНР ему пришлось идти по неровному и порою скользкому пути: «Приемлемо ли мое толкование, судить не мне. *Я высказал предположение и только как таковое прошу его рассматривать* (выделено А.Р.). Утверждать же я могу лишь следующее: 1) ΣΑΣΤНР – термин, служащий для обозначения предмета неодушевленного; 2) этот термин на основе греческого языка объяснению не поддается; 3) при всякой попытке истолкования этого термина должно исходить из контекста всего параграфа 6 херсонесской присяги» [Жебелев, 1953, с. 247].

Видимо, на вторичное издание его статьи сразу же обратил пристальное внимание В.Д. Блаватский, совершенно в ином ключе представивший объяснение этого термина [1954, с. 231-238]. Предварительно критически рассмотрев все известные высказывания многих ученых, он в обобщенной форме выделил пять главных истолкований: 1) наименование различных типов магистратов (А. Скиас, Ф.Ф. Соколов, Е. Миннз, М. Эберт, М.Р. Фасмер, Н.И. Новосадский); 2) понимание в смысле *soter* (спаситель), в роли которого может выступать любой гражданин (С.А. Селиванов); 3) наименование греческой золотой монеты – статер (И.Цингерле); 4) название идола таврской и херсонесской богини Девы (С.А. Жебелев, И.И. Толстой, Д.П. Каллистов, В.Ф. Гайдукевич); 5) обозначение местности, особо важной для города, возможно, мыса (Ж. Робер, Л. Робер). При этом Блаватский критически отнесся к объяснению термина ΣΑΣΤНР Жебелевым, не согласившись ни с одним из его доводов, за исключением важного наблюдения, отмеченного еще Латышевым, по которому можно уверенно считать, что таковой обозначал неодушевленное существо. Точно так же как Латышев и Жебелев, – каждый в свое время, – Блаватский пришел к выводу, что ни одно из имеющихся предположений не может быть принято. За основу собственных поисков в толковании загадочного слова он взял тезис Латышева, что в таком деле уместна осторожность, поскольку никто не дал ему вполне надежного объяснения. В результате сопоставлений с глаголами ΣΑΖΩ=ΣΑΤΤΩ, означающими «наполнять, нагружать, вооружать», Блаватский полагал, что ΣΑΣΤНР могло быть наименованием хранилища или государственной казны, арсенала или склада продовольственных запасов, что увязывается с

предшествующими и последующими фразами Присяги, трактующими гражданские обязанности херсонесцев, и представляет собой наиболее вероятную гипотезу [Блаватский, 1954, с. 236-238]. Скорее всего, последнее из возможных наименований дало основание и А.Н. Карасеву усматривать састер в раскрываемом здании IV в. до н. э. на городище «Чайка», которое являлось херсонесской торговой факторией для хранения больших запасов зерна и других сельскохозяйственных продуктов [Карасев, 1967, с. 18].

Во второй половине 90-х годов прошлого века были почти синхронно опубликованы разные по сути и смыслу сопоставления термина ΣΑΣΤΗΡ с древнегреческим словом ΖΩΣΤΗΡ [ср. Hind, 1996, p. 73-77; Русяева, 1996, с. 95; Gavrilov, 1998, S. 60-72; Русяева, Русяева, 1999, с. 83-95]. Однако первое предположение о том, что это может быть название какого-то места, по примеру мыса ΖΩΣΤΗΡ в Аттике с аналогичным суффиксом, было высказано намного раньше А. Коцеваловым [Kocevalov, 1948, S. 169; ср. Bull. Epigr., 1950, № 151; Gavrilov, 1998, S. 61, прим. 4]. Тем не менее в наиболее развернутой форме отождествление этих слов рассмотрено А.К. Гавриловым в докладах в конце 70-х годов в Ленинграде и на международном конгрессе эпиграфистов в 1987 г. в Софии, хотя статья на эту тему была опубликована значительно позже [Gavrilov, 1998, S. 60, 72].

В оригинале им приведен отрывок из Присяги, в котором, если исходить из нумерации Жебелева, совмещены параграфы 5 и 6 (строки 22-28), но подчеркнута короткая часть, касающаяся только этого термина (к сожалению, без перевода и авторского комментария о его связи со всем пассажем). Отметив, что истолкование неясного выражения является одной из проблем северопонтийской эпиграфики, Гаврилов также критически кратко проанализировал разные суждения предыдущих исследователей, уделив особое внимание попыткам тех ученых, которые использовали разные языки и соответственно давали собственные объяснения этого слова (см. подробнее: Gavrilov, 1998, S. 61-66). В его понимании они не убедительны, неправдоподобны либо совсем шаткие, а некоторые даже фантастические. В итоге осмысления ΣΑΣΤΗΡ как греческого слова и отождествления его с ΖΩΣΤΗΡ с учетом дорийских традиций Херсонеса и торжественного характера текста Присяги, Гавриловым было предложено понимать его по смыслу в разных вариантах: *боевой пояс* Геракла, игравший заметную роль в рассказах о Геракле в Северном Причерноморье (Hdt. IV, 8-10); *Пояс Девы* как защитницы города, с которым могла быть связана реликвия, служившая предметом культа в Херсонесе; указание на *оружие* самих приводимых к присяге, которое иногда лежало у ног дающих клятву, по аналогии с дорийской клятвой Дрерских эфебов; но правдоподобнее оно употреблено как фигуральное выражение, так что «(боевой) пояс» означал в нем «*воистинный дух*» [Gavrilov, 1998, с. 67- 72]. Однако после предложенных версий автор отметил, что не считает отождествление ΣΑΣΤΗΡ и ΖΩΣΤΗΡ доказанным, хотя «эту возможность бесполезно учесть наряду с предлагавшимися ранее» [Gavrilov, 1998, с. 72].

Вместе с этим следует также отметить, что этот термин в ином значении сопоставлялся с ΖΩΣΤΗΡ – название мыса Маячного [см. подробнее: Hind, 1996, с. 73-77]. Во взаимосвязи с культом Партенос в ипостаси полисного верховного божества и с целью возможной локализации мыса Партеий с ее святилищем был также рассмотрен этот термин и автором данной статьи¹⁰. После историографического обзора было отмечено, что содержание Присяги в целом чаще всего интерпретировалось вне духовной культуры херсонеситов, за редким исключением, когда отмечалось клятвенное обращение к божествам, без которого не обходится ни один такого рода документ. Между тем, Присяга построена как развернутый перечень всех важнейших компонентов государственной политики, где религия, как составная часть, должна была занимать свое определенное место. Поэтому было бы странно, если бы в Присяге не содержался хотя бы намек на эту сферу жизни херсонесских граждан. В содержании параграфа, в котором он стоит, можно выделить три вида информации: херсонесские граждане обязаны оберегать ΣΑΣΤΗΡ, каждый из них знает относительно него нечто сокровенное, разглашение этой тайны эллину или варвару может принести вред государству. Если это так, то данный термин в своей совокупности включает в себя двойной, а может даже и тройной завуалированный смысл, но не представляет ничего таинственного для херсонесских граждан. На основании разных суждений и аналогий было высказано предположение, что херсонесский термин идентичен по своему значению (как религиозно-мифологическому, так и семантическому) слову ΖΩΣΤΗΡ в его, вероятно, умышленно измененном произношении, хотя таковое могло произойти и случайно в простонародном говоре вследствие дорийского диалекта, и по всей вероятности, так могли называть священный мыс, по аналогии с Аттикой. Вместе с тем он может служить своеобразной нитью для раскрытия одного из элементов тайного обряда Партенос: особой двойной символикой слова ΖΩΣΤΗΡ – «девичий пояс» и «воинский пояс». Возможность такого отождествления заложена в мифотворческом сознании херсонеситов, конкретнее жрецов, которые преподносили все новшества в почитании Партенос своим согражданам как самоочевидные факты, связанные со свойственными ей эпифаниями и знаменами. В системе религии Партенос, как верховного божества полиса, не могло не существовать обряда, относящегося к ритуальной подготовке и посвящению эфебов в граждане. При том, что каждый гражданин одновременно являлся членом народного ополчения полиса, то это касалось и его воинских обязанностей. В священной традиции херсонеситов эти обряды считались тайной, как многое другое, что было

¹⁰ К сожалению, о несколько сходных сопоставлениях в работах А. Коцевалова и А.К. Гаврилова я узнала значительно позже [см. Русяева, 1996, с. 95 и ср. Русяева, Русяева, 1999, с. 92], после получения статьи от А.К. Гаврилова, за что я еще раз выражаю ему благодарность. Если бы мне раньше были известны толкования термина ΣΑΣΤΗΡ Коцеваловым, Гавриловым, Хиндом, то, скорее всего, я бы коснулась его только в историографическом аспекте.

преимущественно по политической и экономической истории Херсонесского государства, Виноградов и Щеглов, отнесли загадочное слово ΣΑΣΤΗΡ из-за многократных попыток его объяснения к проблеме *perpetuum mobile* [Виноградов, Щеглов, 1990, с. 347, прим. 179; ср. Vinogradov, 1997, S. 458, Anm. 179].

Наконец, поскольку статья посвящена памяти безвременно ушедшего известного и неутомимого исследователя Херсонеса В.М.Зубаря, важно привести и его высказывания относительно этого термина: «Весьма интересна попытка, предпринятая А.С. и М.В. Русяевыми, решить вопрос о значении термина ΣΑΣΤΗΡ Присяги граждан Херсонеса (IOSPE, I², 401), которому посвящена огромная литература [Русяева А., Русяева М., 1999, с. 83-86]. Но с сожалением следует признать, что предложенная новая интерпретация этого термина как священной местности, связанной с культом Партенос, и проведенная параллель между «Састер» херсонесской Присяги и «Зостер» [Русяева А., Русяева М., 1999, с. 86-96], остаются лишь попыткой, хотя и весьма оригинальной. Интерпретация термина ΣΑΣΤΗΡ продолжает оставаться проблемой *perpetuum mobile* [Виноградов Ю.Г. Щеглов, 1990, с. 347, прим. 179; ср. Доманский, Фролов, 1998, с. 63-64; Бондаренко, 2003, с. 39-42], которую невозможно убедительно решить без появления новых источников. Объяснить термин ΣΑΣΤΗΡ можно не логическими построениями, а только на основании содержания новых эпиграфических памятников, которые пока еще не найдены. Но его связь с сакральной жизнью Херсонесского полиса вполне вероятна...» [Зубарь, 2005, с. 405]. Приведенная цитата свидетельствует о том, что В.М.Зубарю, прекрасно знавшему обширную библиографию о Херсонесе, исследованию которого он отдал многие годы своей жизни, так же как и мне, не были известны истолкования других авторов о сопоставлении ΣΑΣΤΗΡ=ΖΩΣΤΗΡ. В конечном результате он прав и в том, что нельзя достоверно раскрыть значение термина ΣΑΣΤΗΡ из Присяги без находок новых надписей, но, разумеется, только таких, благодаря которым можно было бы вне всяких сомнений и предположений его объяснить.

В связи с этим весьма любопытно, что когда этот обзор уже был полностью завершен, совершенно случайно мной была обнаружена совсем недавно опубликованная статья с еще одной интерпретацией рассмотренного термина в соотношении с находкой в Херсонесе греческого частного делового письма [Макаров, 2009, с. 49-61]. Зафиксированное в нем слово ΘΥΛΑΚΟΣ («мешок») послужило поводом для отождествления диалектного слова ΣΑΚΤΗΡ, согласно словарю Гесихия,¹² с загадочным термином ΣΑΣΤΗΡ из Присяги граждан Херсонеса. Для доказательства идентичности этих слов в значении «мешок», в частности «мешок для хранения ценностей», и метонимически – «городская

¹² Иные интерпретации относительно сходных сопоставлений были высказаны и значительно раньше [см. с литературой: Gavrilov, 1998, S. 65].

казна, городские доходы» И.А. Макаров, в отличие от Жебелева и других авторов, использовал не только параграф 6¹³, но и предшествующий ему 5, соединил их в одну клаузулу с уточненным переводом: «Я исполню наилучшим и справедливейшим образом для полиса и граждан обязанности магистрата и члена Совета, я сохраню *састер* для народа, я не разглашу никакой тайны ни эллину, ни варвару, если это способно принести вред полису» [Макаров, 2009, с. 55; ср. Латышев, 1892, с. 2; Он же, 1909, с. 145; Жебелев, 1953, с. 217, 235]. В общем, автор считает, что предложенная им интерпретация этого термина «полностью отвечает содержанию соответствующего параграфа гражданской присяги херсонеситов», в которой из-за «достаточно общего, причем религиозного характера»... «не могли перечисляться конкретные меры, направленные на предотвращение финансовых злоупотреблений», поэтому «принимавшие присягу торжественно клялись в течение срока своих полномочий «сохранить казну для народа» [Макаров, 2009, с. 60].

Таким образом, по данным разных публикаций, в том числе с историографическими обзорами, можно кратко еще раз перечислить основные истолкования слова ΣΑΣΤΗΡ из Присяги граждан Херсонеса, которые дают более наглядное и четкое представление о том, сколь много мнений и гипотез зафиксировано в литературе и какие авторы так или иначе приходили к сходным объяснениям или соглашались с высказанными ранее¹⁴:

1. *Reipublicae status vel legum summa* – государственное установление или совокупность законов (В.В. Латышев);

¹³ При этом Макаров указал «на два важных наблюдения, сформулированных в процессе дискуссии С.А. Жебелевым, которые, очевидно, выдержали проверку временем: «1) ΣΑΣΤΗΡ – термин, служащий для обозначения предмета неодушевленного; 2) при всякой попытке истолкования этого термина должно исходить из контекста всего параграфа 6 херсонесской присяги» [Жебелев, 1953, с. 247], однако присоединил к нему и предыдущий параграф [Макаров, 2009, с. 56]. Здесь также можно вспомнить, что Виноградов и Щеглов, наоборот, считали, что стоящие один за другим параграфы 6 и 7, были «явно связаны текстологически» [Виноградов Щеглов, 1990, с. 347]. Важно отметить и то, что Жебелев обращал внимание на построение параграфа 6, считая, что «он состоит из двух предложений, связанных союзом ΚΑΙ» [Жебелев, 1953, с. 237]. В таком случае, вероятно, что это была вообще отдельная очень краткая клаузула: «Я буду охранять для народа ΣΑΣΤΗΡ». Хотя в дискуссии с Латышевым относительно его перевода: «Я буду служить демургом и членом совета как можно лучше и справедливее для города и граждан» [Латышев, 1909, с. 145] Жебелев и уточнял значение термина «демург» и производные от него (1953, с. 223-225, прим. 4), тем не менее в общем тексте Присяги оставил свой перевод параграфа 5 в ином изложении: «Я буду служить народу и советовать ему наилучшее и наиболее справедливое для государства и граждан» (Там же, с. 217 (5)). При сравнении именно такой текст более соответствует Присяге всех граждан Херсонеса, а не только эфетов, как считал Латышев, или вновь избранных магистратов и членов Совета, тем более, что среди принимавших ее находились как уже отслужившие свои должности, так и те, кто не обязательно должен был быть избранным; кроме того, понятие «демург», столь многозначное и для Херсонеса в разные периоды его истории, все еще вызывает споры (см. прим. 4).

¹⁴ Этим числом, конечно, не ограничивается количество вариантов и версий разных истолкований (см. дополнительные данные: Блаватский, 1954; Gavrilov, 1998).

2. Разные магистраты и особые должностные лица, в том числе стратег (А. Скиас, Н.И. Новосадский, М. Эберт, М.Р. Фасмер, К.Э. Гриневич);
 3. Новый государственный чиновник (Ф.Ф.Соколов, Е. Миннз);
 4. Блюститель или защитник народных прав Сотер (М. Бреаль, Г. фон Гер-ринген, С.А. Селиванов, П. Фукар, Ф. Бехтель);
 5. Скифский правитель и охранитель херсонесских территорий (Л.А. Ель-ницкий);
 6. Статер – золотая монета, общераспространенная монетная единица (И. Цингерле);
 7. Таврский кумир (ксоан) Девы – таврского божества, ставший для Херсонеса палладиумом¹⁵ (С.А. Жебелев, В.Ф. Гайдукевич, И.И. Толстой, Д.П. Каллистов);
 8. Кумир либо ипостась херсонесской богини Партенос (Я.В. Доманский, Э.Д.Фролов, И.А.Гвоздева, Т.Б. Гвоздева);
 9. Хранилище, государственная казна, арсенал или склад продовольствен-ных запасов зерна (В.Д. Блаватский);
 10. Здание-хранилище больших запасов зерна и фактория на городище «Чай-ка» (А.Н. Карасев);
 11. ΣΑΣΤΗΡ = ΣΑΚΤΗΡ – «мешок», городская казна (И.А. Макаров);
 12. ΣΑΣΤΗΡ=ΖΩΣΤΗΡ – боевой пояс Геракла; Пояс Девы как защитницы города; метафорическое «воинственный дух» (А.К. Гаврилов);
 13. Название «священного мыса» по аналогии с мысом ΖΩΣΤΗΡ в Аттике (И. Коцевалов, Л. и Ж. Робер, Дж. Хинд, А.С. Русяева);
 14. Религиозная книга, божественный свод (О.Н. Трубачев);
 15. Священный меч (А.А. Белецкий);
 16. Специальный храмовый архив (М.Е.Бондаренко);
 17. Геодезический угломерный инструмент (Е.В. Кухтина);
 18. Vox obscurissimae significationis – термин загадочного значения (В. Дит-тенбергер);
 19. Dubio sensu – (Liddell – Scott – Stuart Jones, s. v. saster; Э.И. Соломоник);
 20. Проблема perpetuum mobile (Ю.Г. Виноградов, А.Н. Щеглов, В.М. Зубарь).
- Итак, этот краткий обзор показывает, что разгадкой термина ΣΑΣΤΗΡ занимались и занимаются разные авторы, предложившие в общем множе-ство интересных, но все еще однозначно не признанных объяснений его смыс-ла и значения в контексте как всего, до сих пор не имеющего на современ-ном уровне наших знаний обобщающего исследования текста Присяги, так

¹⁵ Справедливости ради следует отметить, что в понимании Жебелева ΣΑΣΤΗΡ – это не «ein Kultbild der ursprünglich wohl halbbarbarischen Stadtgöttin» [Gavrilov, 1998, S. 62] и не «наименование культовой статуи богини Партенос» [Макаров, 2009, с. 56], а древнейший примитивного вида таврской работы небольшой ксоан Девы – божества тавров, принятого херсонеситами и ставшего в Херсонесе, как и ксоаны во многих греческих святилищах, важнейшими и бесценными святынями благодаря своей глубокой древности [см. подробнее: Жебелев, 1953, с. 241-246].

и отдельных ее клаузул. Как бы то ни было, но немало из них так или иначе интерпретировались в сакральном аспекте. Тезис Жебелева относительно того, что этот термин служил для обозначения неодушевленного предмета, как будто принят однозначно. Естественно, и в дальнейшем ничто не препятствует изучать это оригинальное слово с тех или иных методических позиций, собственных соображений и суждений.

В целом представляется, что весь текст Присяги для херсонесских граждан, веривших не только в сотерическую силу, но и кару почитаемых ими богов и героев в случае нарушения клятвы, имел сильное психологическое и нравственное воздействие, тем более при принятии ее синхронно в торжественно-приподнятой обстановке в одном месте, где рядом друг с другом стояли не только просто разных возрастов граждане одного города, но и многие, спаянные между собой теми или иными родственными узами, в особенности отцы и достигшие совершеннолетия сыновья. Основная цель всех формулировок Присяги, как видно, заключалась в стремлении сохранить территориальную целостность Херсонесского полиса и теснее сплотить его граждан в коллектив единомышленников и патриотов, каждый из которых должен был служить на благо всей общины, благодаря чему можно было жить и выживать в соседстве с воинственными варварами на одной из далеких окраин античной ойкумены. В общем текст Присяги как уникального эпиграфического памятника все еще заслуживает специального исследования в полном объеме всех ее клаузул на современном уровне наших знаний не только собственно Херсонеса, но и других демократических полисов раннеэллинистического времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Ю.В.* К вопросу о происхождении термина «демиург» // ВДИ. 1979. № 2.
- Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977.
- Бабин Ю.А.* Присяга Херсонеса Таврического как политический документ // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов международной научной конференции. Севастополь, 1997.
- Блаватский В.Д.* О херсонесском термине ΣΑΕΤΗΡ // СА. 1954. IX.
- Бондаренко М.Е.* Пантеон Херсонеса Таврического. М., 2003.
- Бондаренко М.Е.* Государственные пантеоны древнегреческих полисов Северного Причерноморья. М., 2007.
- Буйских А.В., Золотарев М.И.* Градостроительный план Херсонеса Таврического // ВДИ. 2001. № 1.
- Буйських А.В.* Херсонес Таврійський: просторовий розвиток держави за античної доби / Автореферат дис. доктора іст. наук. Київ, 2009.
- Виноградов Ю.Г.* Дорийские филы в Херсонесе Таврическом // ВДИ. 1993. № 4.
- Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н.* Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990.
- Гайдукевич В.Ф.* История античных городов Северного Причерноморья (Краткий очерк) // Античные города Северного Причерноморья. М.Л., 1955.
- Доманский Я.В., Фролов Э.Д.* Присяга граждан Херсонеса (опыт исторической интерпретации) // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь: К 100-летию со дня рождения М.И. Артамонова. СПб., 1998.

- Ельницкий Л. А.* Скифия Евразийских степей. Новосибирск, 1977.
- Жебелев С. А.* Херсонесская присяга // ИООН. 1935. № 10.
- Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. М. Л., 1953.
- Жебелев С. А.* Источники для изучения истории античной культуры Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М. Л., 1955.
- Зубар В. М.* Херсонес Таврийский наприкінці V – у першій половині I ст. до н. е. // Давня історія України. Київ, 1998. Том 2.
- Зубарь В. М.* Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. Киев, 2004.
- Зубарь В. М.* Формирование территориального государства в Западной Таврике и Херсонес во второй половине IV – первой трети III вв. до н. э. // Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н. э.: Очерки истории и культуры. Киев, 2005.
- Зубарь В. М.* Религиозное мировоззрение // Там же.
- Зубарь В. М.* Государственное устройство // Там же.
- Каллистов Д.* Роль академика Сергея Александровича Жебелева в исследовании Северного Причерноморья античного времени // ВДИ. 1940. № 1.
- Кутайсов В. А.* Античный город Керкинитида. Киев, 1990.
- Кутайсов В. А.* Керкинитида в античную эпоху. Киев, 2004.
- Кухтия Е. В.* «Херсонесская присяга» – образец эпиграфического текста (документ III в. до н. э.) // Тезисы докладов и сообщений аспирантов и молодых ученых сотрудников. М., 1979. П.
- Латьшев В. В.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889-1891 гг. // МАР. СПб., 1892. № 9.
- Латьшев В. В.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892-1894 гг. // МАР. СПб., 1896. № 17.
- Латьшев В. В.* ПОНТИКА. СПб., 1909.
- Леви Е. И.* К вопросу о датировке Херсонесской присяги // СА. 1947. IX.
- Микаров И. А.* Греческое письмо, найденное в Херсонесе Таврическом, и проблемы интерпретации термина ΣΑΣΤΗΡ (IOSPE I², 401) // ВДИ. 2009. № 2.
- Новосадский Н. И.* Критические и экзегетические заметки к некоторым херсонесским надписям // Вторая конференция археологов в СССР в Херсонесе. Севастополь, 1927.
- Павленков В. И.* Херсонесская присяга и проблема политического устройства Херсонеса в конце V – начале IV вв. до н. э. // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов международной научной конференции. Севастополь, 1997.
- Пальцева Л. А.* К вопросу об эволюции государственного строя Херсонеса в эллинистическую эпоху // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Ленинград, 1984.
- Русяева А. С.* Термин ΣΑΣΤΗΡ в Присяге граждан Херсонеса Таврического // Древнее Причерноморье. III чтения памяти проф. П. О. Карышковского. Тезисы докладов юбилейной конференции. Одесса, 1996.
- Русяева А., Русяева М.* Верховная богиня античной Таврики. Киев, 1999.
- Русяева А. С.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Киев, 2005.
- Сапрыкин С. Ю.* Присяга граждан Херсонеса о хоре города в свете новых исследований // Проблемы истории античной гражданской общины. М., 1982.
- Сапрыкин С. Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический: Взаимоотношения метрополии и колоний в VI – I вв. до н. э. М., 1986.
- Сапрыкин С. Ю.* Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху. М., 2005.
- Соколов Ф. Ф.* Труды. СПб., 1909.
- Соломошник Э. И.* Фрагмент надписи из Херсонеса о политических изгнанниках // ВДИ. 1984. № 3.
- Соломошник Э. И.* Эпиграфические памятники // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 2.
- Соломошник Э. И.* Древние надписи Крыма. Киев, 1988.
- Соломошник Э. И.* Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990.

- Сообщение С.А. Селиванова.* Отрывки из Херсонесской истории и эпиграфики // Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете. Протоколы заседания. Одесса, 1899. VII.
- Суриков И.Е.* Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э. М., 2002.
- Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи: архаика и ранняя классика. М., 2005.
- Толстой И.И.* Сергей Александрович Жебелев в развитии русской историографии об античности // ВДИ. 1940. № 1.
- Трубачев О.Н.* INDOARICA в Северном Причерноморье. М., 1999.
- Томенев А.И.* Херсонесские этюды. IV. Херсонес и местное население: скифы // ВДИ. 1950. № 2.
- Томенев А.И.* Херсонесские этюды. VI. Херсонес и Керкинитиды // ВДИ. 1955. № 3.
- Уженицев В.Б.* Эллины и варвары Прекрасной Гавани. Симферополь, 2006.
- Щеглов А.Н.* Полис и хора. Симферополь, 1976.
- Щеглов А.Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Ленинград, 1978.
- Bechtel F.* Die griechischen Dialekte. Berlin, 1923. Bd. II.
- Ebert M.* Südrussland im Altertum. Bonn-Leipzig, 1921.
- Foucart P.* Culte des héros chez les Grecs. Paris, 1918.
- Gavrilov A.* Zur Deutung von ΣΑΣΤΗΡΑ im Eid der Chersonesiten // Hyperboreus. Studia classica. Petropoli. München. 1998. Vol. 4. Fasc. 1.
- Kocevalov A.* Beiträge zu dem euxeinischen Inschriften // Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft. 1948. 3.
- Murakawa K.* Demiurgos // Historia. 1957. VI. 4.
- Nilsson M.P.* Geschichte der griechischen Religion. München, 1976. Bd. I. 4 Aufl.
- Polignac F. de.* La naissance de la cite grecque: Cultes, espace et societe VIII – VII siecles avant J.-C. Paris, 1984.
- Polignac F. de.* Cults, Territory and the Origins of the Greek City-State. Chicago, 1995.
- Saprykin S.J.* Ancient Farms and Land-Plots on the Khora of Khersonesos Tayrike (Research in the Herakleian Peninsula 1974-1990). Amsterdam, 1994.
- Saprykin S.J.* Heracleia Pontica and Tauric Chersonesus before Roman Domination (VI-I centuries BC). Amsterdam, 1997.
- Semenoff A.* Zum Bürgereid der Chersonesiten // Blätter für das Gymnasialschulwesen. 1894. Bd. XXX.
- Simon E.* Die Götter der Griechen. München, 1998.
- Sourvinou-Inwood Chr.* What is Polis Religion? // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxford. 1991.
- Vasmer M.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrussland // Veröffentlichungen des baltischen und slavischen Instituts an der Universität. Leipzig, 1923. 3.
- Vinogradov Ju.G.* Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Mainz, 1997.
- Zingerle J.* Zum Bürgereid der Chersonesiten // Klio. 1927. 67.

А.С. Русяева

ПРО ПРИСЯГУ ГРОМАДЯН ХЕРСОНЕСА ТАВРІЙСЬКОГО І ЗАГАДКОВЕ СЛОВО ΣΑΣΤΗΡ

Резюме

У статті подані основні інтерпретації дискусійних і все ще остаточно не з'ясованих питань, що стосуються окремих відомостей та єдиного у своєму роді слова ΣΑΣΤΗΡ в унікальній Присязі громадян Херсонеса Таврійського, що була вперше опублікована В.В.Латишевим 1892 р. З того часу вона є безперечним джерелом для вивчення багатьох питань історичного, економічного та культурного розвитку цього поліса у період раннього еллінізму. Особливу увагу приділено тому, що Присяга не має загальноприйнятого датування, з різних точок зору визначаються її назва і загальна оцінка, характер політичної кризи і державного устрою, зокрема конкретне значення терміну «деміург» і перемога демократії у полісі, роль єдності громадянської общини, відносини з варварами тощо. Разом із цим розглянуто чимало найрізноманітніших тлумачень (понад 20) оригінального, і разом з тим загадкового слова або терміна ΣΑΣΤΗΡ, який у подібному написанні не зазначено у давньогрецькій мові. Загалом текст Присяги, як унікальної епіграфічної пам'ятки, заслуговує на спеціальне дослідження у повному обсязі усіх її клаузул на сучасному рівні наших знань не тільки власне Херсонеса, але й інших демократичних полісів ранньоелліністичного часу.

А. С. Русяева

О ПРИСЯГЕ ГРАЖДАН ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО И ЗАГАДОЧНОМ СЛОВЕ ΣΑΣΤΗΡ

Резюме

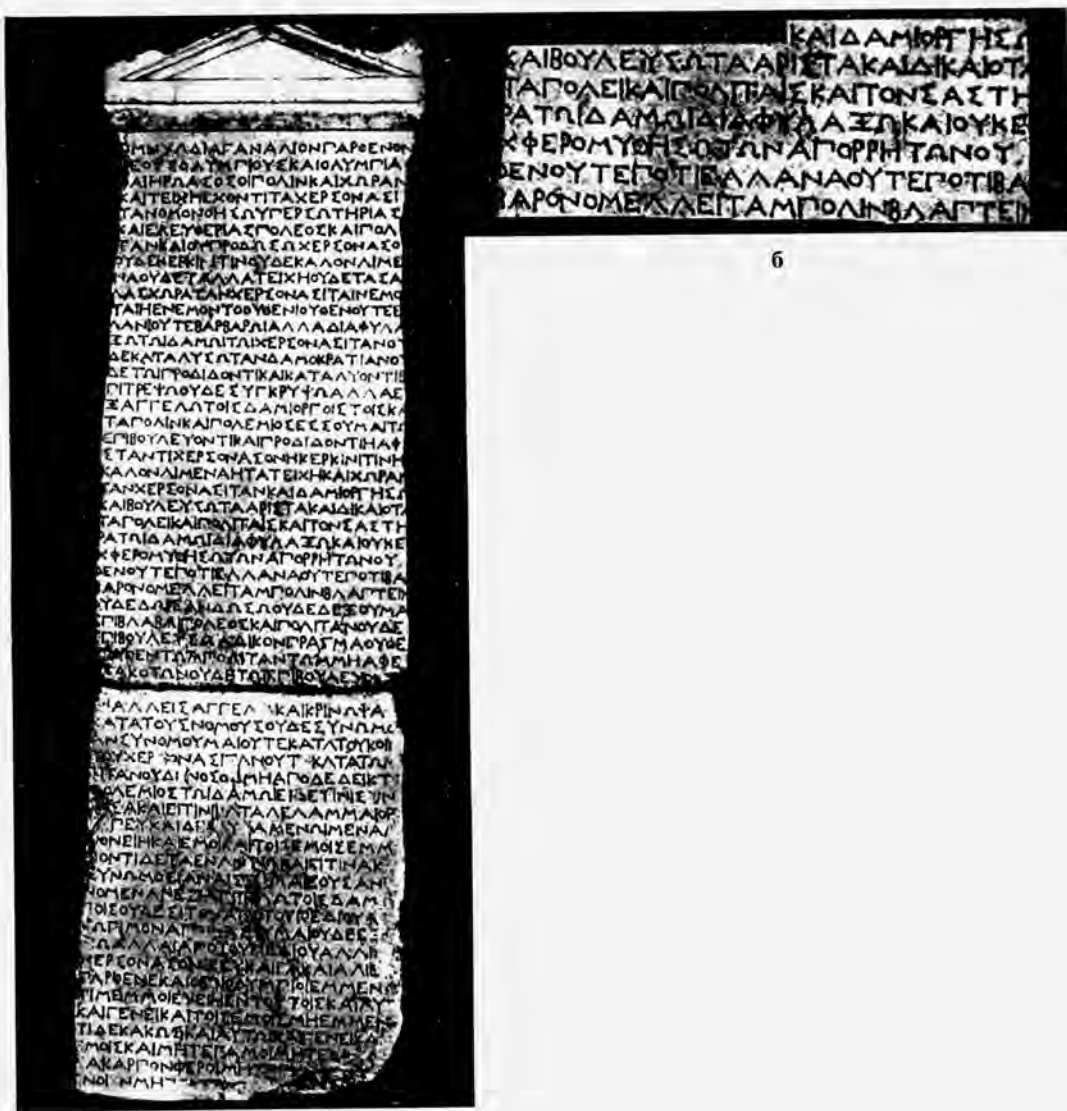
В статье представлены основные интерпретации дискуссионных и все еще окончательно не решенных вопросов, касающихся отдельных сведений и единого в своем роде слова ΣΑΣΤΗΡ в уникальной Присяге граждан Херсонеса Таврического, впервые изданной В.В.Латышевым в 1892 г. С тех пор она служит бесспорным источником для изучения многих вопросов исторического, экономического и культурного развития этого полиса в период раннего эллинизма. Особое внимание обращено на то, что Присяга не имеет общепринятой датировки, по-разному определяются ее название и общая оценка, характер политического кризиса и государственного строя, в частности конкретное значение термина «демиург» и победа демократии в полисе, роль единства гражданской общины, отношения с варварами и т. д. Вместе с этим рассмотрено множество самых разных истолкований (более 20) оригинального, а вместе с тем и загадочного слова или термина ΣΑΣΤΗΡ, который в таком написании не отмечен в древнегреческом языке. В общем текст Присяги, как уникального эпиграфического памятника, заслуживает специального исследования в полном объеме всех ее клаузул на современном уровне наших знаний не только собственно Херсонеса, но и других демократических полисов раннеэллинистического времени.

A.S. Rusyaeva

ABOUT THE OATH OF TAURIC CHERSONESOS CITIZENS
AND A MYSTERIOUS WORD ΣΑΣΤΗΡ

Summary

The article presents the main interpretations of the debatable and still not finally solved problems concerning some information and the only one in its kind word ΣΑΣΤΗΡ in the unique Oath of Tauric Chersonesos citizens that was first published by V.V. Latyshev in 1892. Since then it is a non questionable source for the study of a lot of issues in historic, economical and cultural development of the city in the Early Hellenistic period. A special attention is paid to the fact that the Oath has no generally accepted dating, that its name and the general value, the character of political crisis and the state order, for instance the specific meaning of a term *demiurge* and the triumph of democracy in the polis, the role of civic community's unity, the relations with the barbarians, etc., are determined from different points of view. Also lots of various explanations (more than 20) of an original and, at the same time, mysterious term ΣΑΣΤΗΡ, which is not known in the Greek language in this spelling, are analyzed here. In general, the text of the Oath as a unique epigraphic monument deserves a special full study of all its clausulae on a modern level of our knowledge of not only Chersonesos, but also other democratic poleis of the Early Hellenistic period.

а

б

Рис. 1. Присяга граждан Херсонеса Таврического.